

профессионал

27 апреля в Москве, а чуть раньше в Петербурге состоялись премьерные показы нового фильма Александра СОКУРОВА «Молох» (по сценарию Юрия Арабова). Без сомнения, в обеих столицах картина воспринимается как событие знаковое. И не только потому, что она будет представлять Россию в конкурсе Каннского фестиваля: это лишь внешний сюжет. Куда важнее, что еще до выхода на экраны фильм вызвал ожесточенные споры в среде профессионалов. Нравственно ли — вопрошают одни — рассматривать Гитлера не как infernalного злодея, а как жалкого, несчастного, подверженного слабостям человека, сделавшего мир заложником своих комплексов? Возможно ли — восклицают другие — с таким щемящим сочувствием и нежностью рассказывать историю безысходной любви женщины, которая воплощает Жизнь, — прекрасной, гибкой, от избытка силы встающей на цыпочки, — к ходячему трупу, перешагнувшему границу бытия задолго до самоубийства в бункере? Ответы на эти вопросы дал сам Сокуров: страх, гнев и брезгливость — слишком большая роскошь для искусства, которое желает приблизиться к истине. Глядя сквозь дымку времени на это сборище театральных теней, иногда устрашающе реальных, автор не любит и не ужасается. Он говорит тихо, но яростно: так могло быть — так может быть и впредь, если кто-то захочет победить собственную слабость с помощью мечты о высшей власти. «Это очень простая, не очень длинная, но, может быть, очень важная картина», — сказал автор перед премьерой.

Когда он говорит, голос его еле слышен, и можно ошибочно предположить, будто он легко примет любое возражение, высказанное достаточно громко и категорично. Но это заблуждение. Сокурова не удалось переспорить даже титану Солженицыну, перед которым режиссер с дипломом историка просто благоговел. К тому же мучился неутолимым комплексом персональной вины за то, что не мог защитить великого писателя, когда с тем методично расправлялась железная рука государства.

Не думаю, что Сокуров ортодоксально религиозен, но, когда погружаешься в полновзвучную, почти угрожающую тишину и черно-белое многоцветье его картин, не покидает чувство, будто он с упорством безумца взялся отомстить у Кого-то ту часть нашей общей души, о которой мы сами давным-давно забыли. Сокуров редко дает пространственные интервью. И если он на сей раз отступился от правил, значит, имеет к тому серьезный — внутренний — повод...

Рынок инстинктов

— СЕЙЧАС всюду говорят о феномене конца века, когда многие до селе прочные понятия состарились, истончились, став почти неосязаемыми. В том числе и понятие нравственности...

— Но ведь все, что вокруг нас происходит, есть только результат нашей собственной деятельности. Мистическое стечение обстоятельств здесь ни при чем. Наше время отличает от других времен обширное знание исторических судеб, которое по идее должно бы удерживать от множества ошибок. Но этого не происходит: жизнь общества определяют самые примитивные механизмы.

— Например?

— Например, ничто за последние годы не привело к изменению общества в такой степени, как глобальное развитие печатных и особенно электронных СМИ. Это системы наркотические. С огромной энергией, осознанно люди телевидения внедряют в общественное сознание *инстинкты*. Их усилиями формируется не «класс» людей созидателей, для которых важно сознание в жизни пусть чего-то небольшого, но необходимого, обязательного, а «класс» потребителей, которым нужно, чтобы всего было бесконечно много, дабы можно было бесконечно долго из этого выбирать. Сегодня в абсолют возводится ценность *отдыха*, а не ценность *труда*: жизнь как крути отлыга. Если эти усилия телевидения адресованы в первую очередь молодым людям, мы вправе спросить: от каких трудов они успели так устать?

У русского общества, к сожалению, нет сил сопротивляться разрушительным действиям телеканалов и радио, хотя мы последний из всего цивилизованного европейского мира вступаем на этот путь. К сожалению, прививки старой русской классической культуры нам не помогают. Газетное «поле» или телеэкран сегодня очень часто — пространство, где унижают людей. Журналисты сплошь и рядом оскорбляют героев своих «корреспонденций», и это происходит *публично*. Узнать человека очень просто: можно обогатить, можно фамилярно к нему обратиться, фамилярно его «описать». Интересно, учат ли на факультетах журналистики, что честь человека неприкосновенна, личная жизнь неприкосновенна? Говорят ли студентам, что в журналистике гораздо больше того, чего нельзя, чем того, что дозволено? Объясняли ли кто-нибудь журналистам, что нельзя читать чужие письма?

Популярные издания все пропускают через призму убийственной иронии. Разрушительная ирония, помноженная на огромные тиражи. Но в России пресса — своего рода камертон. Получается, что все вокруг настраивается на одну деструктивную волну, потому что и другие, менее влиятельные издания, спешат притвориться в хвост своему «лидеру». Добавлю, что при большом количестве газет и журналов в прессу неизбежно попадает огромное количество людей не просто непрофессиональных, но агрессивно некультурных и пато-

логически злых. И зло это — динамичное. Таким образом, самые эффективные средства коммуникации объединяют людей на основе всеобщей звоничности и агрессивности.

Зачем же удивляться, что общество в массе своей находится в состоянии психопатии? Бывают исторические обстоятельства, когда общественная жизнь складывается под влиянием очень простых действий. Сегодня публичное существование безнравственности с помощью прессы и телевидения стало опасным, но реальным фактором. Не могу без омерзения вспоминать публикации в российских газетах в дни юбилея Солженицына. Казалось, все злые и пошлые люди получили возможность почти во всех крупных газетах «высказаться».

Вспоминаю звонки, которые раздавались у меня дома в Петербурге. Звонили из редакций (в чем я сразу усомнился): сначала «Известий» — женский голос, позже из «Коммерсанта» — мужской. (По крайней мере, и мужчина, и женщина представлялись обозревателями этих изданий.) Как вы думаете, зачем мне звонили эти люди? Они сообщили, что мощный, частный телеканал заказал им за значительные деньги разгромные рецензии на мой документальный фильм о Солженицыне «Узел». Журналисты говорили, что готовы не писать «плохо» о фильме, если я заплачу им больше. Я пытался представить лица говоривших со мной «журналистов», и не мог, наверное, у них уже просто нет лиц. Бог им судья.

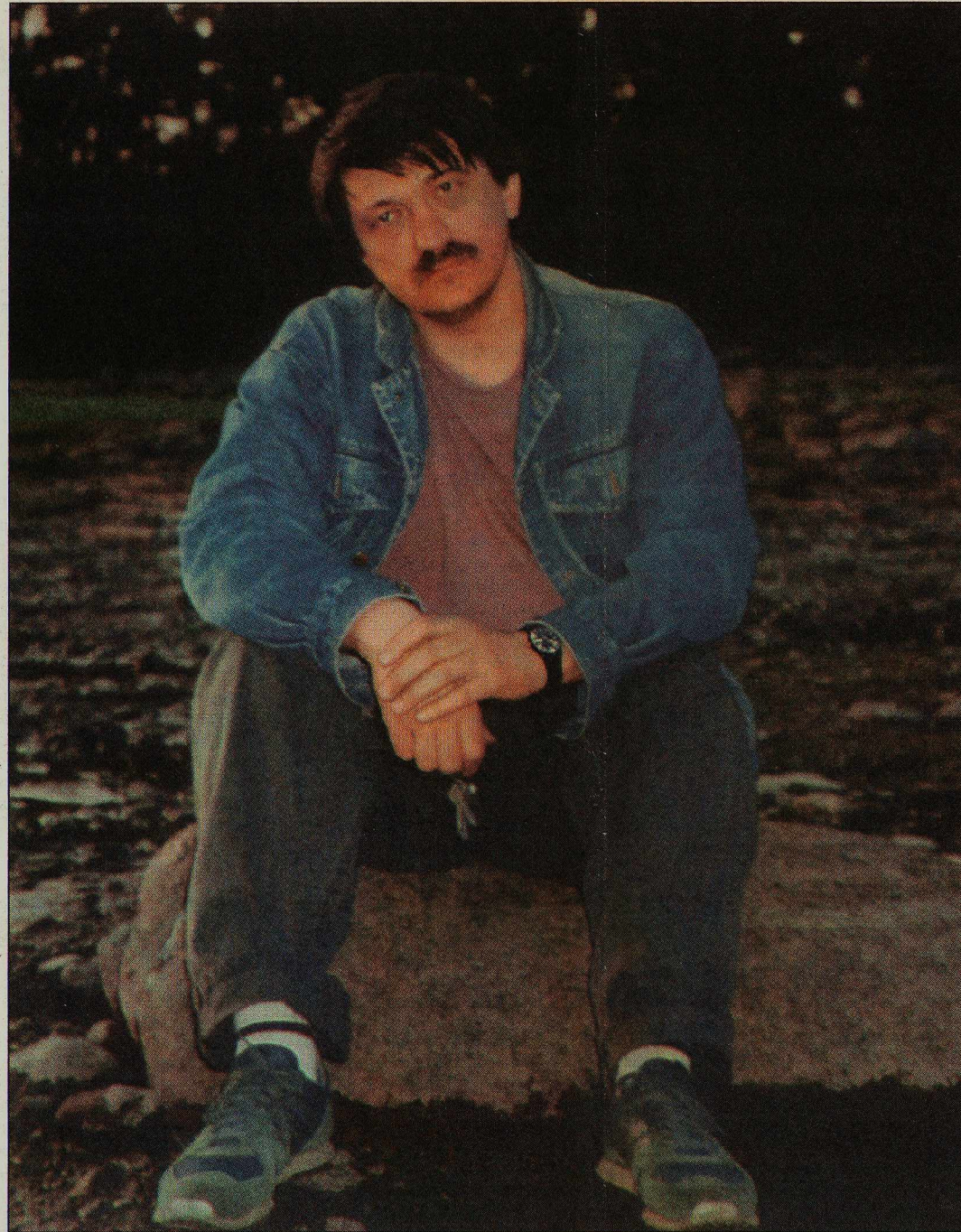
— Простите за вульгарную политэкономю, но газетчики в условиях рынка уже давно написали на своих знаменах: «Спрос рождает предложение». Вам не кажется, что популярные издания идут на поводу у разочарованного общества, которое вместо «хлеба и зрелищ» требует сегодня «лубянички»?

— Вспомним о понятии профессиональной ответственности. Например, я как режиссер отдал себе отчет: то, чем я занимаюсь, очень серьезное и опасное дело. Зритель приходит в кинотеатр, и не 10 — 20 рублями, а полтора-два часа своей единственной жизни оплачивает мою работу. Думаю, такую же ответственность должны чувствовать и люди пишущие.

Необходимо помнить: чем более нездоров общественный механизм, тем меньше в нем должно быть художественно оформленной агрессии. Это в первую очередь касается показа криминальных фильмов, особенно когда речь идет об общенациональной трансляции.

Я твердо знаю, что фильмы с криминальным сюжетом необратимо меняют психику зрителя. Я профессионал и знаю, какой психозический механизм режиссер запускает, создавая сцену убийства. Мне неоднократно приходилось быть свидетелем трагедий, смертей, но я никогда не позволял себе снимать в этих ситуациях. Во мне самом многое переменилось, когда я увидел человека, который корчился передо мной, залитый не краской, а кровью — кишки наружу пополам с песком...

Задача искусства — научить

Александр Сокуров

В пространстве судьбы

человечности, состраданию. А когда в фильме синтезируется сам *процесс* убийства... Не знаю, как это объяснить... Криминальный сюжет в искусстве слишком близок к самой сути русской жизни. Для нас криминальный сюжет не скользящий, а глубоко «западающий» в сознание. И надо это понять, пока не поздно. Но, к сожалению, криминальный теле- и кинорепертуар напрямую связан с благосостоянием руководящей верхушки телеканалов. Вообще, стихийное развитие телевидения не есть некий исторически обусловленный процесс. Это всего лишь преступное, обжорливое желание конкретных людей.

Кто-то из нас должен взять на себя ответственность и прямо сказать этим людям: вы меняете лицо и душу России во имя своей выгоды, перед вами тяжело больной страна, а вы этого больного кормите несовместимой с его диагнозом пищей, приближая необратимые последствия.

Я сейчас говорю о том, что мы *можем* и что *должны* сделать. Поверьте, это вопрос абсолютно адекватный нашим силам. Российский интеллигентни следует понимать, что главная экологическая проблема сегодня — не большие и малые чернобыли, а целенаправленное разрушение сознания.

Жизнь на сквозняках

— ВЫ ВСЮ жизнь выясняли отношения личности со временем. Не зря в поле вашего зрения попадали персоны харизматические: Пастакович, Шалапин, Тарковский. Ельцин, в конце концов...

— Мои импульсы к созданию этих картин были вовсе не «историческими»: это был частный интерес провинциального человека (каким я себя считал) к людям, чьи характеры обладают определенными качествами. Та-

лант — нечеловечески тяжелая ноша. Персонажи, о которых мы говорим, мне интересны в силу особенностей их личностного проявления. Иногда откровенной, демонстративной слабости, если говорить об одних, или выраженных национальных качествах в случае с другими, или параллельности, тождественности жизни (Тарковский), или великого проявления природных способностей у провинциального человека Федора Шалапина.

С каждым из этих персонажей я нахожу внутренние контакты, каждого стремлюсь понять, даже вжиться в его судьбу. Политические процессы для меня не были загадкой. Я не испытывал затруднений с пониманием того, *что* есть социалистическое сознание или что есть нацизм. Несколькими годами назад мне приходилось говорить Б.Н. Ельцину о неизбежности русского нацизма, который будет ношей много тяжелее немецкого.)

Загадкой для меня была и остается только *странная* необыкновенность выдающихся людей. Странная, потому что природой эти люди были предназначены вовсе не для высоких свершений, а для простой, созидательной «атмосферной» жизни. И за проявление этих личностей чаще всего мы должны благодарить не природу, а их самих. Талант — нечеловечески тяжелая ноша.

— В этом ряду фильм о Гитлере, за появление которого благодарить природу не приходится, очевидно, занимает особое место?

— Обращение к этой личности было продиктовано желанием рассмотреть феномен Гитлера, отделив миф от реальности. Многие считают, что в «Молохе» Сокуров проявился по-новому, что здесь впервые сделан шаг к мейнстриму: фильм опущен на иной, чем прежде ваши работы, — более коммуникативный,

— Вы ошутили на себе влияние своих героев, выдающихся людей?

— Конечно, особенно тех, с кем пришлось в жизни общаться. Например, огромное значение для меня имели встречи и беседы с Солженицыным, хотя иногда я позволял себе возражать ему. Я убежден, что борьба с внешними обстоятельствами может оказаться для человека смертельной: нельзя благодарить жизнь за опыт унижения. Как человек, прошедший через тяжкие испытания, великий Солженицын со мной, конечно, не соглашался: говорил, что именно борьба с трудностями возвращает человека и формирует его характер.

Я понимал, что он имеет в виду: в свое время я сам больше года был скован неподвижностью — лежал в гипсе, много думал и, кажется, вырос быстрее сверстников. Но не увече растило мою душу, моя душа росла *вопреки* увечью. Позже был опыт борьбы за свои фильмы, многие из которых до перестройки попали на полку — этому опыту я вовсе не благодарен. По крайней мере, для трех категорий людей — врачей, учителей и людей искусства — опыт унижений губителен. Своими профессиями они и так обречены на ужасное решение самых тяжелых, мучительных духовных проблем. Каждая из этих профессий требует насилия человека над собой, требует самоотречения.

Думаю, в России потому сейчас так много злобных людей, что слишком многие познали унижения. Особенно это заметно среди наших стариков. Страшно звучит, но сегодня именно злобность может быть одним из очевидных качеств русского характера, наряду с хрестоматийной русской добротой. Концентрация злобности уже достигла своей критической точки, и это закономерно: не может огромный народ так долго быть в стороне от последо-

или Азии. Нужно всех отпустить на волю. Пусть те, кто русских ненавидит (а их уже миллионы), уйдут и освободят нас от тягот сожительства без любви. Нам нужна только та территория, которую мы могли бы *сами* освоить и осмыслить. А у нас государственные войны сменяются социальными «реконструкциями»: и то, и другое всегда связано с насилием. Только на памяти одного поколения — Отечественная война, репрессии, послевоенное восстановление, смены общественных формаций. То приоткроют двери, то закроют. Вечная жизнь на сквозняках. Мне представляется иногда, что Россия — это страна, где все время хлопают двери, а иногда — их просто срывают с петель. И когда живешь в таком доме, уже не до того, чтобы утеплять окна, следить за чистотой. Одна забота — спрятаться в углу, чтоб сквозняком не дуло в небитые.

В объятиях жестокосердной власти

— И ОТЧЕГО же все это происходит?

— Ума мало. Я опасаясь, что постепенно то обстоятельство, что за нашей спиной стоят Чайковский, Достоевский, Чехов и Солженицын, будет уходить, например, для европейцев на задний план, а впереди проявится тревога: русский — значит, олицетворяет хаос и неумение создавать. Нельзя все время осуществлять через разрушение.

— Ваши слова звучат как приговор. Считаете, общество наше обречено год за годом производить копии с одной и той же генетической матрицы?

— Я просто не исключаю, что на новом витке истории в иной «упаковке» может возникнуть то, что уже однажды было. Я совершенно не согласен с тем, что в ближайшее время не может произойти реставрация социалистического порядка жизни. Может. Люди нуждаются в том, чтобы существовала система жизни с понятными правилами, которые устраивали бы абсолютное большинство. За десятилетие перестройки создано жестокосердное государство, и мне приходилось говорить об этом президенту. Понятно, что любой серьезный исторический процесс требует времени. Он, конечно, может не уложиться в пределы жизни одного поколения, многие это уже поняли и чувствуют себя обманутыми. Им горько.

— В таком случае, каковы ваши прогнозы?

— «Чудо» может произойти, только если к власти придет человек, который осознает жизнь государства как некую систему, у которой есть неразрывные связи с прошлым (не с будущим). Это должен быть человек образованный. И у него должно быть ярко выраженное *отеческое* начало. Жизнь отдельного человека для него должна быть важнее взгляда с вершины горы. Если к власти придет просто человек сильный, амбициозный, ничего не изменится. Нравственность, образованность, осторожность — совершенно необходимые качества правителя для России. Мы забываем об этом, привыкнув к существующему порядку вещей.

— Говоря «мы», кого вы в первую очередь имеете в виду?

— Пожалуй, интеллигенцию, которая в России сегодня опасно близка к власти. Особенно интеллигенция художественная. Но это *взаимная* тяга к сближению. Я сам никогда, правда, этого не понимал. Однако, возможно, это проблема только московской интеллигенции. Наверное, ответ прост: культурная и государственная столица у нас — это один и тот же город. Политическая «элита» нуждается в том, чтобы ее обслуживали, и имеет достаточно рычагов, в том числе и финансовых, чтобы поставить культурную «элиту» в зависимое положение. Интеллигенция в ожидании «прняика» (или в ответ на его получение) вовлекает власти в сложные отношения. Ответственность московской части образованных и нравственных людей перед страной огромна. В руках москвичей все общенациональные каналы, все общенациональные газеты. С москвичей с первых и спросится.

— Сейчас все заняты поисками национальной идеи, с которой не стыдно было бы шагнуть в новый век. Некоторые ваши собратья по профессии в этом весьма преуспели. Уверена, у вас есть свой вариант ответа.

— Нас может спасти только труд. Главная национальная идея — не восвать, не вмешиваться в чужие дела, сосредоточиться на себе, *созидать*. Этот посыл может быть основой для любого решения — политического, экономического, военного. Но мне кажется, в области политической русские бездарны. Значит, в политике мы должны быть крайне осторожными. Зато мы хорошо известны в области культуры и науки. Значит, у нас есть к этому предрасположенность. Например, мы предрасположены к кинематографу не как к развлечению, а именно как к *искусству*. У нас есть блестящее интуитивное владение формой, умение связывать ее с философией. Есть великолепная кинематографическая традиция, на которую оглядывается мир. У нас великие врачи, гениальные авиаторы... Вот и будем поддерживать того, кто будет хорошо получается.

— А что вы скажете о национальной идее, воплощенной в «Сибирском цирюльнике»?

— Фильма я не видел, лишь однажды слышал выступление Михалкова. Если б русская армия и сама Россия были такими, как они представляются кинорежиссеру, не было бы ни Толстого, ни Гоголя, ни Салтыкова-Шелрина. Но они были, и их оценкам я верю. Можно найти в нашей истории отдельных выдающихся людей, но русское общество никогда не годилось в качестве предмета для ностальгии. В противном случае октябрьский переворот не был бы так сокрушителен, не поднялась бы на дыбы за считанные месяцы огромная страна.

Сады Ватикана

— В НАЧАЛЕ этого года Папа Римский Иоанн Павел II вручил Приз Святого престола, который присуждается за достижения в области духовной культуры. Что для вас значило это событие?

— Этот приз был для меня полной неожиданностью, новость меня застала в Германии на озвучании фильма. Оттуда я и летал на один день в Ватикан. По правде говоря, для меня любая церемония тягостна: я не светский человек. Все было очень торжественно, была конференция по моему фильму «Мать и сын» с участием кардиналов Ватикана. Я с благодарностью слушал все, что говорилось. Это была большая честь для меня.

— А каков Папа Римский в непосредственном общении?

— Он хорошо говорит по-русски. Я дал себе слово, что содержание нашего разговора разглашать не стану. Заметно было, что он очень устал от людей, от их ненасытного стремления *использовать* его — получить благословение, просто к нему прикоснуться, обратить на себя его внимание. Он избегает смотреть человеку в глаза. Но взгляд у него при этом живой и острый, руки бархатные и теплые.

Огромное впечатление на меня произвел Ватикан, где я прежде не бывал. Только побродив по музеям, увидев Рафаэля и Микеланджело, я понял: что-то произошло со мной в тот момент, чего могло и не случиться. Впечатления об этом искусстве мне нужны были много-много раньше.

— Что бы это изменило?

— Я стал бы тоньше, спокойнее. Ведь там я наконец увидел оригиналы, копиями с которых можно считать все западноевропейское. Прямое воздействие оригинала не заменить ничем. С истинной красотой в жизни надо встречаться вовремя.

Как жаль, что Пушкин в свое время не мог поехать по миру. Мы даже не можем себе представить, сколько потеряла Россия из-за того, что из него сделали затворника. Трагедия его ранней смерти — это трагедия огромная, но, увы, в ней есть своя закономерность. Порой кажется, он умер не оттого, что был убит, а потому что к 37 годам все уже сделал в предлагаемом ему пространстве судьбы.

После возвращения из Ватикана я понял, что никогда так сильно не чувствовал разрыв времени. Я испытал волнение и странную внутреннюю тревогу, когда ходил в одиночестве по пустынным в ту пору садам Ватикана. Был холодный солнечный день, и мне казалось, что я путешествую во времени. Словно распахнулось дверь и мне открылось нечто... Такие события душевно возмужают человека.

Беседавала
Татьяна ПОЗНЯК
Санкт-Петербург

Кадр из фильма «Молох». В роли Евы Браун — Е. Руфанова

актерский. Можно предположить, что он начинает исследование нового круга тем — по завершении серии картин, где вы выясняли свои взаимоотношения со смертью?

— Хочу сразу вас поправить: взаимоотношения не со смертью, а с жизнью. Снимая фильмы, мы исходили из понимания, что смерть — вечна, а жизнь — временна. И все, что происходит вокруг нас, отражает борьбу жизни за жизнь. Но «Молох» тесно связан со всем, что я делал прежде.

вательного созидания. В нашей истории десятилетиями все запасы национальной энергии уходили на разрушение, вместо того чтобы идти на спокойное, планомерное, не в спазмах очередной политической кампании затеянное *созидание*.

Наше государство никогда и не пыталось декларировать, что Россия наконец должна стать страной тихой, смиренной, адекватной своим возможностям: сильной лишь для того, чтобы суметь себя защитить. Нам не нужны чужие земли — Кавказ